

ВЕРА ПАНОВА, ЮРИЙ ВАХТИН

Жизнь Мухаммеда

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Страницы истории (АСТ)

Вера Панова

Жизнь Мухаммеда

«Издательство АСТ»

2023

УДК 28
ББК 86.38

Панова В. Ф.

Жизнь Мухаммеда / В. Ф. Панова — «Издательство АСТ»,
2023 — (Страницы истории (АСТ))

ISBN 978-5-17-160810-1

Что мы знаем о жизни пророка Мухаммеда, основавшего одну из трех мировых религий – ислам? Давно ли он жил? Далеко ли от нас его родина? Вера Панова и Юрий Вахтин создали художественную биографию одной из ключевых фигур в истории человечества, который проповедью объединил вокруг себя людей, а потом создал государство, положившее начало Арабскому халифату. Как Пророк воспринимал свой дар и роль духовного лидера в разные периоды жизни? Как относился к друзьям, соратникам, врагам и обидчикам? Рисуя его образ, авторы обращались и к Корану, и к мусульманским преданиям. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 28
ББК 86.38

ISBN 978-5-17-160810-1

© Панова В. Ф., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Вместо предисловия	6
Вступление	9
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вера Панова, Юрий Вахтин

Жизнь Мухаммеда

Серия «Страницы истории»

Серийное оформление и дизайн обложки В. Давлетбаевой

© В. Ф. Панова, Ю. Б. Вахтин, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Вместо предисловия

Работу над книгой об основоположнике ислама – пророке Мухаммеде – Вера Федоровна Панова начала в 1967 году, вскоре после выхода в свет ее исторических повестей «Лики на заре».

«В настоящее время я собираю материалы и делаю наброски к книге “Жизнь Магомета”, – писала она в конце 1967 года Ю. Н. Короткову, главному редактору серии “Жизнь замечательных людей” издательства “Молодая гвардия”. – Жизнь этого человека была очень яркой и протекала в обстановке, мало знакомой широкому читателю, а ее воздействие на последующие поколения огромно. Как Вы помните, жизнь этого человека собирался описать Л. Н. Толстой. Мне кажется, что подобная книга, насыщенная информацией о событиях, понятиях и нравах этой эпохи, знакомящая с сущностью ислама в момент его возникновения и его связями с другими религиями, – должна получиться не только интересной, но и полезной Я рассчитываю, что мне удастся совместить мою атеистическую позицию как автора с полным уважением и тактом по отношению к личности Магомета и убеждениям его последователей и сделать книгу так, что она не оскорбит чувств мусульман (как наших соотечественников, так и за рубежом).

Я очень бы хотела узнать Ваше мнение о возможности издания этой книги в ЖЗЛ и опубликования некоторых глав из нее в альманахе “Прометей”»...

Реакция на это письмо была положительной, и в соответствии с заключенным вскоре договором рукопись должна была быть представлена к 1 января 1969 года, однако в конце 1968 года В. Ф. Пановой пришлось обратиться к Ю. Н. Короткову с просьбой пролонгировать договор.

«Я переоценила свои теперешние физические возможности, когда обещала представить “Жизнь Мухаммеда”» (традиционное для нашей литературы имя Магомет очень скоро было заменено по настояниям арабистов как устаревшее на Мухаммед. – Ю. В.) к 1 января 1969 года. Кроме того, недавно мне удалось достать еще одну книгу Монтгомери Уотта. Знакомство с этой книгой обязывает меня сделать ряд уточнений в моей рукописи. Тем не менее на днях я Вам вышлю первые пять листов. Надеюсь, Вы найдете в них хотя бы некоторые свидетельства о том, что интересное дело, которое мы с Вами начали, стоит того, чтобы его завершить. Лично я работаю над этим материалом с большим увлечением...»

Рукопись была сдана в издательство в начале 1970 года. Одновременно был подготовлен сокращенный вариант для журнала «Дружба народов» и анонсирован на 1971 год.

Публикация в обоих вариантах, получивших одобрительные отзывы арабистов, встретила обычные для тех лет трудности, которые так и не были преодолены, несмотря на исключительно доброжелательное отношение к книге и в редакции ЖЗЛ, и в «Дружбе народов».

В начале работы над книгой я подбирал и систематизировал необходимые для Веры Федоровны обширные материалы по истории ислама, опубликованные на английском языке, консультировался с востоковедами. Однако вскоре мое участие в работе переросло чисто секретарские рамки, и с 1969 года я стал соавтором этого труда.

То, что книга готовилась для серии ЖЗЛ, обусловило ее жанр – все факты, приведенные в ней, строго «документированы», их считают достоверными многие крупные отечественные и зарубежные исламоведы. Коран цитируется в переводе И. Ю. Крачковского (издание 1963 года). Использовались также переводы фрагментов Корана, встречающиеся в работах В. С. Соловьева, В. В. Бартольда и других авторов. Поступки и высказывания пророка Мухаммеда в обыденной жизни, являющиеся образцом и руководством для каждого мусульманина в решении всех жизненных проблем, дошедшие до нас в виде хадисов (изустно передававшихся рассказов непосредственных участников и очевидцев событий, впоследствии записанных), без каких-либо искажений взяты из тех изданий, которые признаны заслуживающими уважения у ортодоксальных приверженцев ислама. Использовались и другие источники, в частности капитальный труд Ибн Исхака, составившего в VIII веке полную биографию пророка, дошедшую до нас в переработке Ибн Хишама, жившего в IX веке (в английском переводе, сопровождаемом подробным научным комментарием).

Многие вопросы, касающиеся жизни и деятельности пророка Мухаммеда, до сих пор остаются дискуссионными, и авторы не считали себя обязанными при их освещении строго следовать какой-либо из исламоведческих школ. Вместе с тем в традициях отечественной культуры (В. С. Соловьев, В. В. Бартольд) авторы рассматривали ислам как самостоятельную монотеистическую религию, ничуть не менее развитую, нежели, скажем, христианство.

Как человек разрушает в себе традиционные представления о добре и зле, о справедливости и несправедливости? Какими путями происходит его отказ от еще недавно неоспоримых истин? Как потом от безбрежного нигилизма он переходит в повседневной реальности к новым идеалам, которым суждено со временем превратиться в новые догмы? Какую роль при этом играют его рассудок, интуиция, познавательная и творческая сила воображения? Подобные вопросы, возникавшие, конечно, в ходе работы над «Жизнью Мухаммеда», представлялись авторам актуальными и в нашу эпоху, когда их решение для очень многих людей связано не только с религиозными верованиями.

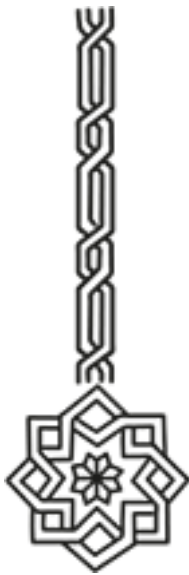
...Работа закончена 20 лет тому назад. В. Ф. Панова ушла из жизни в 1973 году. Готовя рукопись к печати, я старался ограничиться лишь самыми необходимыми изменениями – ознакомление с изданным в 1989 году капитальным трудом О. Г. Большакова «История Халифата. I. Ислам в Аравии (570–633)» позволило уточнить датировку некоторых событий, ряд исправлений в рукопись внесены в связи с критическими замечаниями рецензентов. Заинтересованный читатель сможет познакомиться с кораническими текстами и по второму изданию перевода И. Ю. Крачковского, осуществленному в 1986 году.

Даже в разгар «атеистического вандализма» никто всерьез не требовал, чтобы слово «Аллах» писали со строчной буквы, хотя писать слово «Бог» с прописной буквы было строго запрещено. Слова «Аллах» и «Бог» являются фактически синонимами. Скажем ли мы «Во имя Аллаха милостивого, милосердного», или «Во имя Бога милостивого, милосердного» – суть нашего обращения не изменится. Я рад, что в настоящем издании просьба автора писать слово «Бог» с прописной буквы удовлетворена.

Ю. Б. Вахтин¹

¹ Юрий Борисович Вахтин – сын В. Ф. Пановой.

Вступление

Давно или недавно жил Магомет? Далеко ли от нас его родина? Мы отправляемся на тысячи километров к югу, переплываем Черное море, пересекаем Турцию и Сирию и попадаем в Саудовскую Аравию. Но разве это родина пророка? Нет, она еще дальше – она лежит в прошлом, на расстоянии в полторы тысячи лет. Там была сцена, на которой разыгрывалась его жизнь. О ней мы знаем далеко не все... Нам трудно понять смысл и значение того, что рассказывают его современники, – ведь двигаясь все дальше на юг и на юг, мы незаметно для себя пересекли границу нашей цивилизации, а двигаясь в глубь веков, покинули привычные для нашего времени формы общественной жизни. Мы попадаем в мир, где повседневная жизнь людей наполнена религиозными представлениями, а неверие в бога или богов считается свидетельством очевидной глупости, нарочитого безумного бахвальства и опасной склонности к сверхъестественному злодейству.

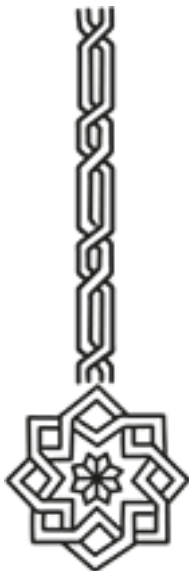
Но полно, так ли далек от нас мир Магомета? Не пугаем ли мы себя этими различиями, не берем ли неподобающе мелкий масштаб, чтобы преувеличить их и исподволь возвеличить себя и свое время? Не за тысячи километров от нас и не за полторы тысячи лет до нас, а рядом с нами, практически здесь, только что, сейчас, сию минуту началась и окончилась жизнь Магомета. Стоит ли удивляться, что человек не претерпел за это время никаких существенных биологических или психологических изменений, остался по своей **природе** (конечно, не по своему воспитанию, образованию и общественному опыту) тем же самым? Удивляться этому, может быть, и стоит, но это – научный факт, дорогой читатель... Да, да, мы с вами не отличаемся ни духовными, ни физическими возможностями от людей того времени. Поэтому во имя правильного отношения к историческому прошлому и к его общечеловеческому значению давайте не забывать, что, в сущности, в известном смысле родина пророка Магомета – наша планета Земля, время его жизни – эпоха, вполне доступная нашему обзору, а стало быть, и он сам, и окружавшие его люди – почти что наши современники. И рассказ о его жизни не труднее и не легче, чем о жизни любого другого выдающегося человека...

Великого пророка звали Мухáммед – «Магомет» пришло к нам из французского языка. Пора переучиваться. Мухáммед, Мухáммед, Мухáммед – с ударением на втором слоге; постепенно это имя станет звучать привычно для нас.

Глава 1

Остров арабов

Остров арабов # Его обитатели # Племенной строй кочевников # Семья и клан # Священный закон гостеприимства # Кровная месть # Войны и поэты # Положение женщины в племени # Племенные боги # Письменность и литература

В широком смысле слова родина Мухаммеда – огромный Аравийский полуостров, по территории равный четверти Европы. Арабы называли его Островом арабов, так как вокруг него всюду плещется вода – Красное море, Индийский океан, Персидский залив, Мертвое море, реки Евфрат и Иордан.

Аравия... Горы, плоскогорья, засушливые степи, полупустыни, пустыни...

С северо-запада на юго-восток вдоль Красного моря на полторы тысячи километров тянутся горы Хиджаза, от которых к северу и востоку отходят невысокие хребты. К морю эти горы круто обрываются. Узкую низменную прибрежную полосу, знойную и безводную, называют Тихамой. К долине Евфрата и Персидскому заливу горы Хиджаза спускаются полого – это огромное плоскогорье Неджд, здесь раскинулись каменистые степи и полупустыни с редкими оазисами. Дальше к северу и востоку лежат пустыни – Сирийская, которая простирается от берегов Евфрата, Нефуд и Дахна. Красные пески этих пустынь лишь в зимние месяцы, в период дождей, покрываются растительностью; летом они выгорают, и люди покидают их.

На юге Аравийского полуострова, вдоль побережья Индийского океана, влаги выпадает побольше. Здесь районы древней земледельческой цивилизации: Йемен, Хадрамаут, Оман.

Самые древние обитатели Аравийского полуострова были земледельцами, кочевого скотоводства, по-видимому, не знали и поэтому населяли только южные районы Аравии и оазисы центральной части полуострова.

В степях, полупустынях и пустынях люди стали жить постоянно только после того, как появилось кочевое скотоводство. Какие народы его «изобрели»? Когда и где это произошло? На все эти вопросы ответить невозможно. Ясно лишь, что оно возникло много позже земледелия. Оно требовало не столько физического напряжения, сколько высокого искусства, и было гораздо плодотворнее (производительнее) земледелия. Это давало силу кочевникам, на протяжении истории они часто покоряли земледельческие народы.

Прасемитические племена, от которых ведут свое происхождение арабы (это наименование можно перевести приблизительно как «бродяга» или «кочевник»), пришли на Аравийский полуостров, по-видимому, уже как кочевники. Они двигались вместе со стадами овец и коз, способных большую часть своей потребности в воде удовлетворять за счет свежего корма; с ними были верблюды, которые не только сами могут длительное время обходиться без воды, но и дают молоко – оно заменяет кочевникам воду в тех местах, где нет ни источников пресной воды, ни колодцев. «Не будь у них верблюдов, – замечает французский арабист Анри Ламменс, – половина кочевников погибла бы от жажды».

Вторгшиеся кочевники не только заняли девственные просторы степей и пустынь, но и в конце концов покорили древние земледельческие племена и смешались с ними.

Когда семиты разделились на арабскую и еврейскую ветви, неизвестно. По арабским средневековым преданиям, в основном совпадающим с библейскими, предки семитов длительное время жили в Двуречье, где основали древнейшие цивилизации. Отсюда часть их двинулась на северо-запад, а часть – с правого берега реки Евфрат – в Аравию. Первые переселившиеся на полуостров племена, смешавшиеся с аборигенами, – от них остались только легенды – получили название «потерянных арабов», так как их уничтожил бог за грехи, либо они растворились среди более поздних колонистов. Этими колонистами были тринадцать сыновей Кахтана – библейского Иоктана, родного дяди ветхозаветного Ибрахима (Авраама), – которые из страны Хеттов за полторы-две тысячи лет до новой эры спустились к югу, вдоль Иордана и Мертвого моря, и расселились по Аравийскому полуострову. Потомков Кахтана называют «истинными арабами»; они дали начало группе южноарабских племен (йеменитов).

Северные племена считают «натурализовавшимися арабами» – их легендарный предок – Исмаил, сын Ибрахима от рабыни – египтянки Хаджар (библейская Агарь), стало быть, двоюродный внук того же Кахтана, родоначальника йеменитов. Но на полуостров переселялись и другие родственники Ибрахима: потомки брата его Нахора, сыновья Ибрахима от Кетуры и потомки Исава, внука Ибрахима.

Начало же еврейским племенам семитов было положено Исааком (Исааком), сыном Ибрахима от Сарры, братом, хотя и не единоутробным, Исмаила.

Что в этих преданиях правда, а что – вымысел? Очевидно, как и во всяком эпосе, правдоподобный вымысел тесно переплетается в них с художественно и религиозно переосмысленными историческими фактами; племена и народы персонифицируются; существенное становится продолжительным по времени, а места труднодоступные – лежащими на краю света; люди и события часто группируются по законам художественного творчества, призванного выявить внутренний смысл исторических процессов. Как бы то ни было, различие между южными племенами, потомками Кахтана, и северными, потомками Исмаила, сохранилось до нашего времени, а тесное родство арабских и еврейских племен не вызывает сомнений.

Остров арабов во все времена лежал в центре цивилизованного мира. Древний Египет и Вавилон, страна Хеттов и Палестина, эллинские государства и Персидская держава – все это было рядом, во всех этих странах арабы бывали и как купцы с товарами, и как воины-наемники или союзники враждующих государств. Вторгались они в соседние страны и с целью грабежа. И в Аравию вторгались иноземные армии, подчиняли своему влиянию окраинные районы, но в центре полуострова удержаться не могли. Юг Аравии, Йемен и Хадрамаут, в первых веках нашей эры попадал в зависимость то от Эфиопии, союзницы Византии, то от Персии.

На севере Византия и Персия вели между собой непрекращающиеся войны, в которые вовлекали и арабов. Для Византии и Персии нужен был мир с соседними арабскими племенами, а не уничтожение их: уничтожить их или изгнать значило открыть свои границы для набегов племен Центральной Аравии, которые легко могли бы уходить с награбленной добычей в недоступные степи и пустыни.

Племена Центральной Аравии сохраняли полную независимость от кого бы то ни было. Они кочевали со стадами одногорбых верблюдов, овец и коз по степям и пустыням; в оазисах выращивали финиковую пальму, сеяли ячмень и пшеницу.

Аравийский полуостров во все времена пересекали важные торговые пути – через Южную и Западную Аравию шла торговля Дальнего Востока и Средиземноморья, – особенно оживлявшиеся, когда войны прерывали сухопутный Великий шелковый путь. Водный путь по Красному морю использовался мало, и Западная Аравия являлась узлом сухопутных дорог между Индией, Ираном, Эфиопией, Сирией и Палестиной. Караваны перевозили благовония и ткани из Южной Аравии; золотой песок, слоновую кость и рабов из Африки; оружие, зерно и растительные масла из Сирии; шелк из Китая; жемчуг с побережья Персидского залива. Вдоль караванных дорог возникли поселения со складами товаров, которые нужно было охранять, и постоянными дворами, здесь же велась местная торговля и селились ремесленники. Кочевники снабжали караваны верблюдами и проводниками, вооруженной охраной. Они взимали с них налоги за проход по своей территории. Продавали торговцам шерсть, кожи и скот. Переселялись в города и поселки, становились торговцами. Поэтому кочевые племена в той или иной степени были заинтересованы, чтобы торговля шла бесперебойно и желательно по их территории.

У кочевников веками и тысячелетиями сохранялся почти без изменений племенной строй. Племена делились на семьи и группы семей – кланы (роды). Глава самого многочисленного и могущественного клана являлся обычно и главой племени – шейхом. Власть шейха основывалась на его авторитете, а все сколько-нибудь существенные вопросы решал он совместно со старейшинами племени. Шейх ведал сношениями с другими племенами и предводительствовал на войне, за что получал четвертую часть добычи. Он принимал гостей – законы гостеприимства были священны. Арабы, как и все другие кочевые народы, славились своим гостеприимством. На гостя не распространялся закон кровной мести, смертельный враг, успевший прикоснуться к шатру, мог чувствовать себя в полной безопасности – он гость. Для него резали последнего барана и последнего верблюда – величайший позор плохо принять гостя! Гость – свидетельство известности и мудрости хозяина; гость – это источник вестей, осведомленность о том, что делается в мире, знания, нужные для мудрых и дальновидных решений. Человек, который много знает, – уважаемый в племени человек, к мнению его стоит прислушаться. Умный человек обратит полученные сведения на пользу племени, да и себя не забудет. В общем, для кочевника был смысл соблюдать священный долг гостеприимства.

Другой священный долг племени – долг кровной мести. Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь – если не соблюдается этот закон, ни один человек не может себя чувствовать в безопасности даже у себя дома. Поэтому и при нападениях на чужие караваны, и при грабеже скота старались по возможности крови не проливать. Ловко, быстро и бескровно совершить разбойный налет – вот это настоящее молодечество и удаль, достойная восхищения!

В племени каждый мужчина – воин. Только силой оружия племя удерживало за собой пастбища и колодцы, оберегало стада, женщин и детей. Конечно, заключали и договоры о вечном мире и дружбе – и исполняли их, пока сохранялось примерное равенство сил. Объединялись в союзы; нередко пытались упрочить союз родственными связями. Ослабевшие племена сливались друг с другом, входили в состав более сильных племен – название их часто навсегда исчезало из памяти людей.

Происходило и дробление – усилившиеся кланы или группы родственных кланов обособлялись в самостоятельное племя, нередко получая при этом название по своему общему предку, к имени которого прибавляли слово «бану» – сыны. Бану Асад – сыны Асада – конечно, это племя включало не только прямых потомков реального или легендарного Асада, но и всех, кто был принят в состав племени, присоединился к нему.

Полноправный член племени был полностью свободен в том смысле, что никто, даже шейх или глава его собственного клана, не мог ему ничего приказать. Он никому не платил налогов, и даже сама мысль об этом должна была казаться ему странной и оскорбительной – налоги платят побежденные как выкуп за свою жизнь и плату за свою трусость, а он свободен и готов защищать свою свободу с оружием в руках, кстати, это оружие он всегда носил при себе; и все обязаны знать, что он никому не уступает в храбрости и не побоится сразиться с любым прославленным богатырем. Он был волен молиться любым богам и идти любым путем; даже во время войны он мог оставаться дома – не было ни полиции, ни армии, которые могли бы принудить его силой отправиться на войну или делать какую-нибудь работу. Короче говоря, его личная свобода не была ограничена ничем... кроме полной зависимости от своего племени. Если племя изгоняло его, он сразу же лишался вообще всех прав – становился хали, человеком вне закона. Закон был племенной, никаких общечеловеческих законов не было и быть не могло, так как не было той силы, которая стояла бы над всеми людьми и могла бы по своему произволу лишать человека жизни или брать его под защиту. Хали можно было обобрать, искалечить, продать в рабство, убить – все, что угодно. Он был **ничей** – всякий, кто «нашел» его или «подобрал», становился его владельцем.

Так, в условиях полной свободы и столь же полной зависимости от племени или от клана протекала жизнь араба-кочевника, его бытие, то самое бытие, которое определяет сознание.

За века и тысячелетия выработался нравственный кодекс, в основе которого были личная свобода и племенной гуманизм.

Согласно этому кодексу, идеальный араб должен быть благородным, бесстрашным в бою с врагами, непреклонным в выполнении долга кровной мести, верным слову, гостеприимным, щедрым, великодушным, почтительным к старшим; он должен невозмутимо переносить удары судьбы; не заискивать перед сильными и защищать слабых; заботиться о своей чести и чести своего племени; ради чести своего племени он должен быть готов на любой подвиг, на любое самопожертвование. К этим идеалам должен был стремиться араб, если хотел завоевать уважение своих соплеменников, они же внушались и детям. Пожалуй, если поставить вместо слова «племя» слово «родина», то все перечисленные добродетели и сейчас не потеряли своей ценности.

Араб был связан узами близкого или отдаленного родства практически со всеми членами своего племени, и степень родства представляла для него большой интерес. Близкие родственники – потенциальные союзники; на близких родственников в первую очередь падала обязанность кровной мести; степень родства определяла наследование имущества. Но наследовали не только имущество – по представлениям арабов, наследовали и благородство, и позор; считалось, что происхождение от благородного человека обеспечивает большие возможности для формирования благородного характера, чем происхождение от человека бесчестного и низкого. Поэтому арабы относились к своей родословной с той же серьезностью, что и к родословной своих верблюдов; нередко они точно помнили имена шести – восьми поколений своих реальных предков.

У всех кочевых народов женщина не считается равноценной мужчине. Ее роль в хозяйственной жизни кочевников очень невелика – домашнее хозяйство утомительно, но несложно; скотоводство – мужская обязанность почти исключительно; домашних ремесел, требующих женского труда, практически нет. Наконец, ее военная ценность равна нулю. Как мать и воспитательница детей, она полезна племени, однако степень этой несомненной полезности зависит от многих привходящих обстоятельств. Когда кочевое племя десятилетиями и веками занимает одну и ту же территорию, численность племени не может расти без ущерба для его благополучия. Чтобы расширить площадь своих пастбищ, племени нужны прежде всего мужчины-воины, а не женщины. Будут воины, будет и земля, и богатство; будет богатство – будут и женщины для увеличения численности племени; свои и чужие, купленные или захваченные у

врагов – в конце концов, это не столь уж существенно. По всем этим причинам ценность женщины, с точки зрения племени, была невелика, и женщина находилась в подчиненном положении. До замужества ее судьбой распоряжался отец; после замужества – муж; если муж умирал – она переходила к его ближайшим наследникам. Муж имел право развестись с неугодной ему женой – без всякого повода с ее стороны; при этом нередко и приданое, полученное за женой, оставалось его собственностью. Он мог иметь неограниченное число жен и неограниченное число наложниц. Рождение дочерей считалось немилостью судьбы. В некоторых племенах новорожденных девочек иногда убивали – закапывали живыми в землю. Этот жестокий обычай поддерживался не столько религиозными представлениями кочевников, сколько нищетой и часто повторяющимся голодом. Но такая картина положения женщины в доисламской Аравии, пожалуй, чересчур мрачна. В любом обществе закон не определяет полностью взаимоотношения реальных людей, тем более семейные отношения. И в арабском фольклоре, как и в фольклоре других народов, мы встречаем знакомый персонаж жены-злодейки, всячески тиранящей своего безропотного мужа.

Неограниченное многоженство допускалось, но большинство кочевников имело одну жену – не по соображениям высокого порядка, а из-за бедности. Впрочем, этих соображений «высокого порядка» просто не существовало: многоженство было естественным проявлением если не богатства, то, во всяком случае, прочного достатка, и в глазах кочевников участь жен в полигамной семье была завидной – ведь им и их детям меньше, чем другим, угрожала голодная смерть. Следует помнить, что даже представление об индивидуальной любви в современном ее понимании, как любви в значительной степени, если не преимущественно, духовной, практически отсутствовало – и не только у арабских племен.

Юридически бесправное положение женщины в семье мужа в реальной жизни чаще всего не было столь уж бесправным – ведь благополучие ее не было безразличным для ее родственников – мужчин, и это так или иначе приходилось учитывать. И наверное, стоило трижды подумать, прежде чем удалить жену, не совершившую серьезного проступка, а тем более удалить, удержав ее приданое, и тем самым не только порвать дружеские отношения, установленные с ее родом посредством брака, но и возбудить к себе неприязненное отношение, а то и вражду. Положение женщины и в семье, и в племени резко улучшалось после рождения сыновей, будущих работников и воинов, – уже с самой колыбели они защищали интересы матери.

Наконец, у многих арабских племен сохранились и некоторые остатки матриархата – родство по женской линии считалось более существенным при наследовании имущества, чем родство по мужской линии, женщина нередко обладала таким же правом развода, как и мужчина, который при заключении брака поселялся в ее доме. Овдовев, женщина не становилась собственностью родственников покойного мужа – она наследовала часть его имущества и могла вернуться к своим родичам. Следует добавить, что женщины у арабов-бедуинов не закрывали лица и не вели жизнь затворниц – этого от них не требовали ни религия, ни обычай. В большинстве племен обычай строго требовал от женщины целомудрия в добрачный период и верности мужу после брака – большая свобода, носящая характер пережитков полиандрии (многожества), была уже редким исключением.

Применение рабского труда не играло в хозяйстве кочевников важной роли. Рабы, и купленные, и захваченные на войне, использовались преимущественно в домашнем хозяйстве; дети рабыни считались законными и свободными, наследовали часть имущества своего отца и становились полноправными членами племени. Сыном араба-кочевника и чернокожей рабыни из Эфиопии был знаменитый арабский поэт Антара, прославившийся не только поэтическим талантом, но и своей богатырской силой и неустрашимостью, своего рода арабский Илья Муромец, герой бесчисленных приключенческих романов арабского средневековья.

При племенной жизни главное «божество» – само племя; поэтому боги и религиозные представления занимали сравнительно небольшое место в жизни кочевников. Арабы счи-

тали, что богов существует много. Чаще всего боги «жили» на определенной территории, во всяком случае их могущество в пределах своих владений проявлялось с наибольшей полнотой. Поэтому, в частности, каждое племя предпочитало иметь дело со своими собственными богами, за что и получало их покровительство. Кроме того, наличие собственных богов укрепляло единство племени и усиливало племенной патриотизм.

Боги отличались по своей природе и от человека, и от окружающих его вещей. Но, сделав изображение бога или богини, можно было **заставить** их постоянно пребывать внутри или вблизи своего изображения, особенно если совершать нужные обряды. Около символа божества (идола) или в местах, избранных божеством – часто это были источники, рощи или причудливой формы скалы, – человек имел наиболее благоприятные условия для общения с ним.

В Южной Аравии было особенно много богов, родственных богам Древнего Вавилона. Эти боги на небесах избрали местом своего постоянного пребывания Солнце, Луну, планеты и неподвижные звезды, от которых часто и получали свои первоначальные имена. Луна считалась божеством мужского пола, а Солнце – женского.

Среди северных арабских племен очень сильно было распространено почитание бетиллов («бейт-ил» – «жилище Бога») – вертикально поставленных камней, в которых воображение часто позволяло угадать существо, напоминающее человека. Небольшие бетиловы перевозили на верблюдах – вместе с племенем. Крупные каменные монолиты причудливой формы, созданные ветровой эрозией, одиноко стояли в степи на своих постоянных местах и сильно действовали на воображение своим загадочным видом и необъяснимостью появления вдали от скал и гор.

Религиозные обряды отправляло все племя и с помощью богов пытались улаживать свои дела. Отдельный человек выступал перед Богом прежде всего как представитель своего племени; именно то, что он являлся **частью** племени, давало ему право тревожить богов своими делами и позволяло надеяться на благоприятные результаты адресованных богам прошений; его личные заслуги и нравственные качества имели в какой-то степени второстепенное значение.

Идолопоклонство и многобожие не мешали, однако, существовать и представлениям о верховном Боге; в отличие от богов и богинь, у которых были имена, это высшее божество не имело собственного имени или его имя было слишком священным и запретным для произнесения вслух – его называли просто Богом (Аллахом) или словами, обозначающими его качества, – «всевышний», «милосердный», «владыка людей», «господь» и т. д. Были ли остальные боги и богини «представителями» этого единого Бога, его сыновьями и дочерьми, или они существовали самостоятельно – неясно. Во всяком случае, именно многочисленные боги и богини были окружены реальным почитанием; возможно, верховного Бога почитать было бессмысленно – как владыка всего сущего, он вряд ли мог быть заинтересован делами того или иного племени, а тем более отдельного человека – делами, чаще всего не только незначительными, но и направленными против других племен и людей. С другой стороны, идея единого Бога несовместима с племенным патриотизмом, так как такая идея предполагает равенство всех людей и племен, тогда как было очевидно для всякого, что люди, не принадлежащие к его собственному племени, – чужие и к ним нужно относиться совершенно иначе, чем к соплеменникам.

Верховного Бога почитали всерьез лишь отдельные люди, которые получили название ханифов. Они отвергали идолопоклонство и, по-видимому, верили в индивидуальное бессмертие человека, то есть в загробную жизнь. Содержание загробной жизни – будет ли она хорошей или плохой – зависит от личного поведения человека, а не от судьбы его племени или клана. Поэтому ханифы стремились к добродетельной жизни, за что и пользовались определенным уважением соплеменников.

Арабы торговали и воевали с окружающими их народами и хорошо знали религии этих народов – и иудаизм, и христианство, и зороастризм. Представители всех этих вероиспове-

даний жили в оазисах и городах, религиозной нетерпимости не существовало, никаких препятствий миссионерская деятельность не встречала. И, однако, эти хорошо разработанные религиозные системы не оказали практически никакого влияния на верования кочевых племен – очевидно, племенной строй был несовместим с ними. Лишь в тех случаях, когда строй частично или полностью разрушался и появлялись неравенство и государственная власть, наблюдалось успешное распространение этих религий среди арабов.

Последователи маздеизма и пророка Заратуштры, населявшие прилегающий к Персидскому заливу Бахрейн, верили, что в мире идет непрекращающаяся борьба света с тьмой, добра со злом, правды с ложью и обязанность человека сражаться на стороне света, добра и правды для их окончательного торжества на земле.

Солнце было символом Света, Правды и Добра, так же как и заботливо поддерживаемый Вечный огонь, спущенный на землю с солнца, – во мраке ночи он помогал людям бороться с силами Зла, окрыленными закатом солнца.

Христиан всех сект и течений арабы называли насара. Насара веками жили на севере и юге Аравии – в Гассанидском и Лахмидском княжествах, в Набатее и Йемене. Арабы Гассанидского княжества, выходцы из Йемена, кочевали по Финикии, Палестине и Южной Сирии, за охрану границ и набеги на Персию получали от византийских императоров щедрые подарки.

Набатеея, прилегающая к Мертвому морю и Синайскому полуострову, в 106 году новой эры была обращена императором Трояном в римскую провинцию с громким названием «Аравия», а впоследствии вошла в состав Византии.

Столицей Лахмидского княжества, также населенного выходцами из Йемена, была Хира, расположенная на правом берегу Евфрата, недалеко от Древнего Вавилона. Лахмиды совершали походы на гассанидов и воевали с Византией на стороне Персии.

Южная часть Аравийского полуострова издавна была тесно связана с Грецией, Римом, а затем с Византией и Эфиопией. Еще до новой эры в княжествах Йемена чеканились монеты с изображением совы – герба города Афины, а позже – с изображением римских императоров, хотя правители этих княжеств были не вассалами, а всего лишь «друзьями Рима». Сюда христианство проникло в III–IV веках. Населенный насара Неджран, расположенный в Северном Йемене, еще в VI веке новой эры управлялся своим епископом и одно время был вольным городом.

Еще более древними были связи с Палестиной; в Йемене находилось Сабейское царство, известное по библейской легенде о путешествии царицы Савской к Соломону. В Древнем Йемене иудаизм играл, наравне с христианством, важную роль, а законодательство больше походило на еврейское, чем на вавилонское. Последователей иудаизма арабы называли яхуди. В VI веке новой эры язычники и яхуди в Йемене пользовались поддержкой со стороны Персии, вытеснившей к 570 году эфиопов.

Из великих религиозных учений, пожалуй, только буддизм был мало знаком арабам. Известно, что царь Ашока в III веке до новой эры посылал миссионеров для распространения буддизма в Сирию и Южную Аравию, однако никаких следов успешной проповеди буддизма не сохранилось.

Все эти чужеземные религии, повторяем, пускали ростки преимущественно в городах и оазисах, где люди жили земледелием, ремеслом и торговлей, где находил полезное применение рабский труд, где племенной строй разрушался и непримиримый антагонизм порождал различные формы государственной власти. Кочевники же, бедуины (бедуины – люди бадии, «пустыни», в противоположность оседлым жителям – людям хадара), стойко придерживались своих языческих верований.

Письменность у арабов возникла в Южной Аравии примерно за тысячу лет до новой эры. Самые древние надписи были сделаны на диалектах южноарабских племен, однако в основу общеарабского литературного языка легли диалекты северных племен, письменность которых

сложилась на основе арамейского алфавита, литература существовала, по-видимому, исключительно в виде поэзии, причем уже в первые века нашей эры поэзии чрезвычайно высоко развитой, с богатым языком и разнообразными метрами. Стихи и поэмы выдающихся поэтов были распространены по всему полуострову, их заучивали наизусть, меткие цитаты использовали в разговорной речи, они становились пословицами.

Поэты воспевали добродетели араба – гордого, сильного и храброго, верного племени, никому не подчиненного, воспевали упоение битвой и охотой. Наряду с традиционным восхвалением своего племени мы встречаем в стихах и пейзаж, и любовную лирику, овеванную грустью неизбежного увядания женской красоты и мимолетности любви, и философское раздумье о жизни с ее одинаковым для всех концом, и описание верных друзей поэта – его лошади и верблюда, кстати, описание не менее подробное и любовное, чем описание женской красоты. Религиозные мотивы в целом редки в поэзии арабов, похождения богов и богинь их не занимали. Это была целиком светская поэзия, и хотя намеки на существование единого невидимого Бога и загробной жизни в ней встречаются, преобладает насмешливое отношение к религии – не то чтобы поэт был атеистом, но он хотел показать, что не боится ни смерти, ни богов, ни дьявола.

Арабская поэзия того времени сохранялась главным образом в изустной передаче.

Стихи и поэмы арабов были прекрасны – поэтический талант считался одним из высших достоинств человека, родством с поэтом гордились, поэт был желанным гостем любого племени и лицом неприкосновенным. Считали всерьез, что поэты одержимы демонами, что и позволяет им создавать их волшебные стихи, обладающие необъяснимой силой воздействия на человеческие сердца.

Так же высоко ценили арабы и красноречие, умение пользоваться словом. Удивительно, как на фоне уже по тому времени примитивного социального строя – при почти полном отсутствии заметных успехов в материальном производстве – арабы смогли создать богатейший литературный язык и достичь огромных успехов в поэзии. Культура слова, несомненно, свидетельствует, что арабы уже в первых веках нашей эры были, если так можно выразиться, потенциальными носителями высокой цивилизации – цивилизации, которой лишь бесплодность степей и пустынь до поры до времени мешала реализоваться в социальных, материальных и духовных областях.

Как создавалась эта цивилизация – можно лишь гадать. Вероятно, тысячелетние контакты едва ли не со всеми культурами и религиями Евразии не прошли для арабов бесследно, хотя и не изменили внешних форм тех сторон их жизни, которые были продиктованы суровыми условиями степей и пустынь. Эти условия держали арабов-кочевников на грани нищеты и голода, но они же не позволяли могущественным соседям завоевать Аравию, не давали возникнуть на ее территории сильному государству, которое на костях миллионов рабов и подневольных создало бы шедевры высокой культуры для немногих.

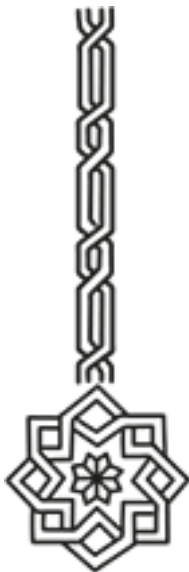
Но кочевое хозяйство, не создававшее материальных излишков, которые можно было или стоило отнять, на протяжении многих веков защищало арабов от социального порабощения, и так как это было хозяйство с очень высокой производительностью труда, они пользовались не только личной свободой, но и обильным досугом, необходимым для умственной и духовной жизни. Да и сам труд араба-кочевника, впрочем, как и араба-купца, не был монотонно-однообразным и скорее требовал от него искусства и сообразительности, чем физического напряжения. Возможно, поэтому уже в первые века новой эры араб, нищий и неграмотный, интеллектуально превосходил среднего подданного соседних могучих империй, не говоря уже о его безусловном превосходстве в военном искусстве.

Некоторые ученые полагают, что в IV–VI веках нашей эры климат Аравии стал несколько влажнее, что привело к росту населения, переселениям и столкновениям племен, расширению оазисов и росту городов. Возможно, все это способствовало тому, что разложение племенного

строя (разложение, следы которого можно обнаружить и за тысячу лет до новой эры и которое при иных условиях могло бы продолжаться еще тысячу лет) резко ускорилось именно в VI–VII веках, что создало в городах условия социального кризиса. Очевидно, что кризис родового строя в специфических условиях Аравии, в эпоху, когда в соседних странах уже разрушался или был разрушен рабовладельческий строй, не мог не привести к несколько иным историческим последствиям, чем подобные же кризисы в других странах и в другие эпохи.

Глава 2 Мекка

Ее святыни: храм Кааба, источник Замзам # Черный камень Каабы # Курайш и племя курайшитов # Абд аль-Мутталиб # Расчистка священного источника # Клятва Абд аль-Мутталиба # Прорицательницы # Отмена человеческих жертвоприношений # Женидьба Абдаллаха – будущего отца пророка # Торговая конкуренция # Поход йеменцев против Мекки в «год Слона»

В первых веках нашей эры в районах Центральной Аравии появилась своя «столица» – город Мекка, расположенный километрах в семидесяти от побережья Красного моря, на границе гористого Хиджаза и знойной Тихамы, – будущее место рождения Мухаммеда.

Область Мекки крайне засушлива и совершенно непригодна для земледелия. Не славилась она и скотоводством – в ее окрестностях, покрытых скудной растительностью, с трудом могли отыскать для себя корм лишь небольшие стада верблюдов, овец и коз.

Но для торгового поселения место было хорошее – относительно безопасное, защищенное горами и пустынями. Отсюда шли удобные караванные пути в Южную Аравию, Иран, Сирию, к побережью Средиземного моря. Главное же – в самой Мекке и поблизости от нее находились святыни, почитаемые многими арабскими племенами, благодаря этим святыням вся округа признавалась священной территорией. Со всех концов Аравии стекались сюда паломники, торговля с которыми вполне могла прокормить небольшой городок.

Важнейшей святыней Мекки был «дом Бога» – храм, который из-за своей кубической формы получил у арабов название Кааба, и расположенный рядом с ним источник Замзам.

Когда Мекканская долина стала почитаться как священная земля, историки не знают.

По арабским преданиям, появление в этих пустынных местах обильного водой источника обязано чуду, сотворенному Богом ради праотца Ибрахима и сына его Исмаила, легендарного родоначальника североарабских племен. По возвращении Ибрахима из Египта в Палестину жена его Сарра, которая была неплодна, не надеясь иметь детей, предложила в жены Ибрахиму свою рабыню Хаджар, подаренную ей египетским фараоном. Хаджар, родившая вскоре Исмаила, возгордилась и стала с презрением относиться к Сарре, что было не очень-то хорошо с ее стороны. Когда же престарелая Сарра по воле Бога родила Исаака, к вражде матерей вскоре присоединились ссоры сыновей. Сарра горько жаловалась Ибрахиму и требовала

прогнать Хаджар с ее сыном. Ибрахиму, очень любившему Исмаила, трудно было решиться на это; но Бог приказал ему подчиниться требованиям Сарры, и он отвел Хаджар с Исмаилом в Аравию, на самим Богом указанное место, и оставил их там. Вскоре запас воды у них кончился. Напрасно Хаджар металась в поисках источника или колодца (по преданию, это послужило прототипом одного из обрядов мекканского паломничества – сай) – ни малейшего следа воды не было заметно среди безжизненных холмов и раскаленных скал, и мучительная смерть от жажды казалась неизбежной. Отчаявшись, Хаджар удалилась на некоторое расстояние от Исмаила, чтобы не видеть его предсмертных страданий, облегчить которые она была бессильна, а оставленный ею Исмаил заплакал и стал ударять ногою о землю. И – о, чудо! – на этом месте забил источник пресной воды! Хаджар, бросившаяся к сыну (она думала, что на Исмаила напали дикие звери), увидела, что они спасены, – она напоила Исмаила и напилась сама, а чудесный источник оградила землей и камнями из боязни потерять воду. Такова легенда о происхождении источника Замзам.

Кстати, в этой легенде нашла отражение та высокая и подчас решающая роль, которую играли женщины в племенной жизни у предков древних семитов. Требование Сарры, продиктованное заботой о собственном сыне – Исхаке (библейский Исаак), родившемся после Исмаила, и ревностью к Хаджар, лишь спустя некоторое время получает божественную санкцию – этот приказ, полученный от Бога, собственно, и оправдывает Ибрахима в глазах его потомков, прочно усвоивших патриархальный уклад жизни, настолько прочно, что они стали считать его существовавшим от века.

Как бы то ни было, кому из детей выселяться, отделяться, покидать отчий дом, нужно было решать, и решала его Сарра, занимавшая самое высокое положение среди женщин племени, и ей был вынужден подчиниться Ибрахим, сердце которого обливалось кровью при одной мысли об удалении своего первенца. Отделение сыновей Ибрахима, рожденных от Кетуры, уже не было для него, судя по легендам, столь мучительно и болезненно, так как с ним оставался Исхак. Кстати, и Исхаку пришлось подчиниться власти своей жены Ревекки, когда встал аналогичный вопрос – кому из детей его оставаться на обжитой земле, а кому – выселиться. На этот раз никакого мотива ревности быть не могло – оба сына, Иаков и Исав, были ее собственными детьми, более того – близнецами. Ревекка (по совету Бога, конечно) обманула Исхака. И опять выбор пал на «младшего», родившегося на несколько минут позднее Иакова, а Исав должен был удалиться в пустыню, и его потомки также пополнили ряды древних арабов.

Утешая Ибрахима, боявшегося, что его сын погибнет в пустыне, Бог обещал ему, что Исмаил не только не погибнет, но и станет родоначальником могучего народа, а потомки его будут многочисленными, как песок морской; народа воинственного, так что «рука их будет на всех»; правда, другие народы, эти «все», не будут покорно переносить воинственность потомков Исмаила, и, как выразился Бог, также «рука всех будет на него». Об этом пророчестве пришлось вспомнить народам, почитавшим Библию как священное писание, в эпоху арабских завоеваний...

Вскоре Хаджар и Исмаил повстречались с племенами джурхумитов, пришедших в эти места из Йемена со стадами овец и верблюдов в поисках воды, и присоединились к ним.

Как сложилась дальнейшая судьба Хаджар – легенды умалчивают. Известно лишь, что, когда она умерла, Исмаил похоронил ее близ того места, где расположен храм Кааба.

Еще при жизни Хаджар Ибрахим, навещавший изредка Исмаила (для этого ему приходилось совершать немалое путешествие, так как сам он жил в Сирии), наставлял своего сына в вопросах как религиозных, так и в житейских.

В одно из таких посещений Ибрахим не застал своего изгнанного первенца, навстречу ему из шатра Исмаила, вокруг которого из стволов низкорослой пальмы был устроен загон для скота, вышла незнакомая женщина – она назвалась женой Исмаила и объяснила Ибрахиму, которого она до этого не видела, что Исмаил ушел на охоту. Она не предложила гостю войти

в дом и не оказала ему никакого уважения. В ответ на расспросы Ибрахима об их жизни женщина стала жаловаться ему, совершенно незнакомому ей человеку, на бедность. Выслушав ее жалобы, Ибрахим сказал:

– Когда вернется твой муж, опиши ему меня и передай, чтобы он переменял порог своего шатра. – После чего попрощался и уехал.

Когда Исмаил вернулся домой и выслушал рассказ о незнакомом госте и его ответе, он сразу понял, что приезжал Ибрахим, что отец не одобряет его брака и рекомендует ему развестись. Исмаил вернул жену ее родственникам и женился вторично на дочери джурхумита Мадада, вождя этого племени.

В следующий раз, когда Ибрахим вновь посетил сына, Исмаила опять не было дома, но на этот раз Ибрахиму был оказан совсем другой прием. Новая жена сына приветливо пригласила его в дом, а так как Ибрахим не мог воспользоваться ее приглашением (пока была жива Хаджар, ревнивая Сарра разрешала ему навещать Исмаила только при условии, что он обещает не сходить со своего коня), она вышла к нему, почтительно омыла ему бороду и предложила отведать всего, что было в доме, – молока, вареного мяса и фиников, хлеба, к сожалению, у них нет. В ответ на его расспросы она не стала позорить своего мужа жалобами на плохую жизнь – все это понравилось Ибрахиму, и, уезжая, он попросил передать Исмаилу, что теперь у его шатра хороший порог. И действительно, эта жена, которая продемонстрировала в назидание потомкам, как должна вести себя арабская женщина по отношению к гостю и мужу, оказалась удачной – она родила Исмаилу 12 сыновей, ставших родоначальниками североарабских племен.

После смерти Хаджар отец Исмаила стал подолгу, иногда по нескольку лет, гостить в окрестностях Мекки. В одно из его посещений (по велению Аллаха) и был построен храм Кааба на том самом месте близ источника Замзам, где некогда находился храм Адама – первый храм на земле. Это место было указано ангелом Джibriлом (архангелом Гавриилом), который помогал Ибрахиму и Исмаилу при строительстве и объяснял, каким должен быть храм, угодный Богу. От него же, очевидно, Ибрахим и Исмаил узнали, что храм, который они строят, точная копия того храма, в котором молился Адам. По арабским легендам, после грехопадения Адам и Хавва (Ева) были не только изгнаны из рая, но и разлучены – Адам попал на остров Шри-Ланку (Цейлон), а Хавва – на побережье Красного моря недалеко от Мекки – в те места, где расположен ныне порт Джидда. (Кстати, на окраине Джидды и сейчас показывают могилу праматери Хаввы.) Они встретились только через двести лет – как раз в районе Мекки; гора Арафат, где они впервые познали друг друга после столь продолжительной разлуки, почитается мусульманами как одна из святынь.

Адам очень страдал, что он лишился не только рая, но и храма, в котором привык молиться в раю. В конце концов Бог смилостивился, и копия храма была спущена на землю. По смерти Адама этот нерукотворный храм был унесен обратно на небо. После этого Каабу строили Сиф (сын Адама), Нух (Ной) и его сын Сим, восстановивший ее после потопа.

Чтобы Каабу было легче строить, ангел Джibriл принес Ибрахиму плоский камень, который мог висеть в воздухе и служить в качестве строительных лесов; этот камень (Макам Ибрахим) до сих пор находится в Каабе, и верующие отчетливо видят на нем отпечатки ног своего праотца. Когда храм был почти готов, Ибрахиму понадобился заметный камень, чтобы обозначить на стене место, с которого следует начинать ритуальное обхождение вокруг Каабы. Дело в том, что в раю ангелы и Адам, наученные самим Богом, совершали семикратное обхождение вокруг храма, и Ибрахим хотел, чтобы и на земле богослужение происходило правильно. Тут-то ангел Джibriл и принес ему знаменитый Черный камень, который был вделан в северо-восточный угол здания, – этот камень первоначально был ослепительной белизны, но затем быстро почернел от прикосновений грешников. Камень имел неземное происхождение, еще во времена Адама он упал с неба – по одной из версий, это был ангел-хранитель Адама, обращенный в камень после того, как он допустил грехопадение своего подопечного. Действитель-

ная природа Черного камня до сих пор неизвестна. Многие ученые считают его очень крупным метеоритом, но не исключено, что это крупный кусок неизвестной вулканической породы: каменистая Аравия изобилует потухшими вулканами, и во многих местах мощные потоки лавы залегают на самой поверхности.

От старшего сына Исмаила заведование Каабой перешло к южноарабскому племени джурхумитов, пользовавшихся поддержкой вавилонян. В III веке нашей эры их вытеснили Бану Хузаа – также южноарабское племя; покидая Мекку, джурхумиты разрушили Каабу и засыпали источник Замзам. Хузаиты восстановили Каабу. Аднан, один из потомков Исмаила, женился на дочери вождя хузаитов и поселился в Мекке. Праправнук этого исмаилита Фир, по прозвищу Курайш, стал родоначальником нового племени – курайшитов. Курайшиты, жившие как в самой Мекке, так и в ее окрестностях, постепенно усилились настолько, что через двести лет потомок Фира в седьмом колене Кусай выгнал наполовину истребленное эпидемией чумы племя хузаитов из Мекки. Согласно арабским источникам, курайшиты полностью овладели и городом, и храмом около 440–450 года, то есть меньше, чем за 150 лет до рождения Мухаммеда. Собственно, с этого времени, так или иначе, начинается действительная, а не легендарная история Мекки – пусть неполная и отрывочная, противоречивая и искаженная, но история.

Что же касается легенд об источнике Замзам и Каабе, часто отличающихся друг от друга в деталях и противоречащих друг другу, то записаны они были уже после возникновения ислама, а у некоторых южных племен Аравии еще в VII–VIII веках бытовало представление о Каабе как о храме, в котором первоначально поклонялись планете Сатурн.

Кусай, под предводительством которого курайшиты полностью овладели Меккой и установили свой контроль над значительными районами Хиджаза, прапрадед Мухаммеда. Влияние и богатство Кусая были так велики, что его нередко называли «князем курайшитов», хотя он являлся всего лишь могущественным шейхом (предводителем) сильного и процветающего племени. Предания приписывают ему решающее участие во всех важнейших изменениях, которые при его жизни произошли в Мекке.

Прежде всего он предложил срубить рощу, которая окружала Каабу, и использовать полученную таким путем древесину на строительство города. Его предложение вызвало замешательство курайшитов, которые почитали эту рощу священной и не решались рубить деревья. Тогда Кусай, не отличавшийся, по-видимому, особой религиозностью, сам взял в руки топор и собственноручно срубил первое дерево на глазах у собравшихся курайшитов. Так как после этого святотатства он остался цел и невредим, курайшиты последовали его примеру и полностью вырубili рощу. В результате большая часть пространства вокруг храма была вскоре застроена большими каменными домами самых знатных курайшитов – некоторые дома были высотой в два-три этажа. Оставлена была только небольшая площадь за пределами ограды самого храма для совершения необходимых религиозных церемоний.

Какому бы богу ни была первоначально посвящена Кааба и кем бы ни была она основана, но в V веке новой эры в ней самой, вокруг нее и на ее стенах уже стояли многочисленные идолы. Когда они появились впервые – неизвестно, да и не столь существенно. Предания сохранили имена ряда людей, которые привозили и устанавливали в Каабе отдельных идолов, но эти имена, даже если они подлинны, ничего нам не говорят. Важно другое – курайшиты не только не препятствовали вселению «чужих» богов в Каабу, но и как это некогда делали римские императоры, всячески поощряли его, стремясь еще больше усилить роль своего храма и своего города как религиозного центра возможно большей части Аравии.

Среди потомков Кусая, умершего в 480 году, наиболее известен его внук Хашим, прадед Мухаммеда. Подобно Кусая, он считался главой Мекки, и при нем стали ежегодно снаряжать два специальных каравана за продовольствием для Мекки – зимой в Йемен и летом в Сирию. Кроме того, он первым начал практиковать в Мекке раздачу еды беднейшим курайшитами, правда неизвестно, ежедневно или лишь по определенным дням. Неизвестно также, осу-

ществлялась ли эта благотворительность за счет города или на средства самых богатых курайшитов.

Хашим умер в Газе, на берегу Средиземного моря, во время одной из своих поездок в Сирию, оставив после себя малолетнего сына Шейбу, который свое детство провел в Ясрибе, откуда была родом его мать. В Мекку его привез Мутталиб, младший брат Хашима, когда Шейба был уже юношей. Мекканцы приняли светловолосого Шейбу за раба Мутталиба, из-за чего он якобы и получил прозвище Абд аль-Мутталиб – «раб аль-Мутталиба»; так и называли Шейбу до конца его дней.

Вскоре не стало и братьев Хашима, из которых только Абд Шамс скончался в Мекке; Мутталиб умер в Йемене, а Науфал – в Ираке; подобно Хашиму, эти основатели могущественных кланов курайшитов вели неутомимую и полную превратностей жизнь купцов-путешественников, и смерть нередко застигала их вдали от родного города.

После смерти Мутталиба, последовавшей около 520 года, Абд аль-Мутталиб оказался старейшиной племени. При нем основные должности в Мекке продолжали оставаться в руках членов семейства Кусая, являвшихся к тому времени главами значительных кланов. В их руках находились ключи от Каабы (их пришлось завести ввиду попыток разграбить накопленные в храме сокровища), надзор за колодцами, судопроизводство, «иностранные дела», хранение священного знамени, с которым курайшиты отправлялись на войну, взимание налога в пользу бедных, председательство в собрании старейшин, право созывать собрания, управление общесемейными финансами и хранение гадательных стрел – таковы десять основных должностей, существовавших в Мекке.

Абд аль-Мутталиб – дед Мухаммеда, и уже по одной этой причине его богатство и величие вполне могли быть сильно приукрашены потомками, которые лет через двести после его смерти сочли необходимым записать и тем самым увековечить рассказы о нем. Эти рассказы приписывают именно Абд аль-Мутталибу восстановление колодца Замзам, который был засыпан еще джурхумитами, одновременно разрушившими и Каабу, когда за несколько столетий до описываемых событий они были вынуждены покинуть Мекку под натиском племени Бану Хузаа. Храм вскоре восстановили, а источник откапывать не стали – вероятно, жителей в Мекке в тот период было немного, а паломничество либо сильно сократилось в результате царивших в городе и его окрестностях беспорядков, либо вообще было еще незначительным. Во всяком случае, город прекрасно обходился без источника Замзам, и постепенно даже места, на котором он был расположен, уже никто в точности не знал. Поэтому, когда население Мекки увеличилось, а приток паломников сильно возрос, потребовалось небольшое чудо, чтобы восстановить источник. Такое чудо и случилось с Абд аль-Мутталибом.

По свидетельству Али, внука Абд аль-Мутталиба и одного из первых халифов, дед его так рассказывал об этой истории.

Как-то он лег спать в ограде храма (вспомним, что он был хранителем ключей от Каабы, сторожем), и ночью во сне ему явился дух в человеческом облике. Дух приказал:

– Выкопай Тибу!

– Но что такое Тиба? – спросил Абд аль-Мутталиб. На это дух ничего не ответил и удалился.

На следующую ночь Абд аль-Мутталиб по совету курайшитов, которым он рассказал о видении, опять лег спать на том же самом месте. История повторилась, только на этот раз явившийся дух приказал выкопать Барру – что это такое, Абд аль-Мутталибу было так же непонятно. На третью ночь дух явился снова и приказал выкопать Замзам – любопытно, что и это название ни о чем не говорило Абд аль-Мутталибу; очевидно, о некогда существовавшем колодце курайшиты имели весьма смутное представление. Но на этот раз дух, хотя и в туманной форме, в которую у всех народов принято облачать заклинания и предсказания, все же

дал некоторые объяснения – речь шла о воде, которая должна утолять жажду пилигримов, и о месте в ограде храма, где течет кровь, кишат муравьи и гнездятся вороны.

Полученных сведения оказались достаточно – он направился на следующий же день к тому месту, на котором обычно производилось заклинание жертвенных животных и где среди куч навоза и гниющих останков в изобилии водились и муравьи, и вороны. Здесь же стояли идолы Асаф и Найла – по свидетельству Аиши, жены Мухаммеда, она от самого пророка слышала, что это были мужчина и женщина, которые некогда избрали храм Каабу местом любовного свидания, за что и были превращены Аллахом в камни. Кстати, любовные свидания в храмах некоторых богинь и богов были широко распространены в древности и носили характер религиозного обряда, не имевшего, по понятиям древних, ничего общего с развратом. Возможно, подобные культы встречались и в Древней Аравии.

Интересно, что Ибн Исхак, арабский историк, живший в VIII веке, несомненно благочестивый мусульманин, сообщая мнение пророка Мухаммеда о происхождении идолов Асафа и Найлы, счел все-таки нужным оговориться, что один Бог, собственно, знает, откуда эти идолы появились в ограде храма и почему им поклонялись.

Абд аль-Мутталиб и его сын, в то время единственный, начали кирками копать яму между Асафом и Найлой и сразу же наткнулись на камни, которыми был выложен колодец. Окруженные толпой любопытных курайшитов, кое-кто из которых протестовал против святотатственных раскопок вблизи храма, они за несколько дней полностью расчистили источник Замзам. На дне его Абд аль-Мутталиб нашел золотые изображения двух газелей и несколько мечей и кольчуг, сделанных сирийскими мастерами.

Увидев находки, курайшиты тотчас же объявили, что это общественная собственность, которую следует немедленно поделить, против чего Абд аль-Мутталиб энергично протестовал. Его возражения ни к чему не привели, и в конце концов было решено поделить найденные вещи по указанию наиболее беспристрастного судьи – Бога. Абд аль-Мутталиб сделал шесть одинаковых гадательных стрел, две из которых были выкрашены в желтую краску (вытащивший их получал золотых газелей), две – в черную (мечи и кольчугу) и две – в белую (тот, на чью долю приходились эти стрелы, не получал ничего). Эти стрелы вложили в руки Хубала – самого крупного и самого, по-видимому, почитаемого идола Каабы, которого некогда привезли из Сирии и установили в самом центре храма. Хубал был сделан из агата в виде сидящего человека (в котором некоторые арабские историки видят Ибрахима) с гадательными стрелами в руке – гадание на стрелах являлось одной из его главных специальностей.

В жеребьевке принимали участие Кааба, Абд аль-Мутталиб и курайшиты. Гадатель, которому предварительно завязали глаза, первым вытащил стрелы, предназначенные для храма, – ими оказались обе желтые стрелы, и золотые газели стали собственностью Каабы. Абд аль-Мутталибу достались черные стрелы, и он получил мечи и доспехи, а курайшитам – белые стрелы, следовательно, им не досталось ничего.

Абд аль-Мутталиб прибил золотых газелей, а также мечи к дверям Каабы. Эти золотые газели, по словам легенд, были первыми золотыми украшениями, появившимися в храме.

Покончив с злополучными газелями, стали решать вопрос об источнике Замзам, который оказался гораздо обильнее, чем другие источники, расположенные в Мекке и ее окрестностях, и давал воду лучшего качества. Кроме того, Замзам находился так близко от храма, что неизбежно должен был сделаться священным. В конце концов, после ряда злключений и чудесных знамений, курайшиты согласились оставить Замзам под управлением Абд аль-Мутталиба – конечно, ни о каком праве собственности его на этот источник не могло быть и речи – племенные законы продолжали действовать в Мекке, и в ней вообще не существовало в это время ни одного крупного колодца, кем бы он ни был выкопан, который бы считался частной собственностью. Однако и распоряжение Замзамом как общественной собственностью обеспечивало Абд аль-Мутталибу не только почетное положение, но и небольшой постоянный доход.

История с источником Замзам любопытна тем, что она дает довольно точную и достаточно полную картину взаимоотношений главы города, каковым в то время был Абд аль-Мутталиб, с остальными его жителями. Глава города, собственно, не обладал никакой реальной властью и не мог по своему усмотрению вынести решение, хоть сколько-нибудь противоречащее интересам мекканцев. Он находился почти на положении шейха кочевого арабского племени, чья власть целиком зависела от богатства и могущества его собственного клана и от того уважения, которым он пользовался в племени благодаря своим личным нравственным качествам. Пост главы города позволял оказывать большое влияние на формирование общественного мнения и извлекать некоторые материальные выгоды – и только.

Вторая распространенная легенда об Абд аль-Мутталибе делает его и его сына Абдаллаха, будущего отца пророка Мухаммеда, героями событий, которые привели к прекращению человеческих жертвоприношений у курайшитов и родственных им арабских племен. Согласно этой легенде, у Абд аль-Мутталиба очень долго не было сыновей, что, с точки зрения араба, почти полностью лишало смысла всю его жизнь и сводило на нет все достигнутые им успехи: богатство, почет, уважение соплеменников. Впрочем, история с источником Замзам наглядно показала, как действительно трудно было ему, имея только одного сына, отстаивать свои права перед соплеменниками и как мало курайшиты считались с ним, несмотря на то что он был зажиточен, занимал пост главы города и находился в расцвете сил. В старости же ему грозила полная беззащитность и унижительная зависимость. Абд аль-Мутталиб, как и другие арабы его времени, хорошо понимал, что пол ребенка определяет судьба, рок, над которым ни один человек не властен. Моральный кодекс предписывал ему мужественно и хладнокровно переносить подобные удары судьбы, не унижая себя бесполезными жалобами и малодушным унынием. Абд аль-Мутталиб так себя, очевидно, и вел, что не мешало ему горячо молить богов о рождении сыновей. Так как эти молитвы не помогали и его жены продолжали рожать ему исключительно девочек, он прибег к последнему средству – публично поклялся, что если у него будет десять сыновей, то одного из них он принесет в жертву.

Вскоре же судьба сделалась к нему благосклонной, и у него стали рождаться сыновья, причем эти сыновья не только появлялись на свет, но и благополучно переносили многочисленные детские болезни, сеявшие смерть среди новорожденных, что тоже можно было приписать прямому вмешательству небес. Поэтому, когда у Абд аль-Мутталиба подросло двенадцать сыновей, он не осмелился нарушить клятву, хорошо понимая, что богам ничего не стоит «забрать» всех сыновей обратно в любую минуту.

Сыновья, выслушав его решение исполнить обещание, данное богам, выразили полную готовность подчиниться отцовской воле, как то и подобало сделать примерным сыновьям. Абд аль-Мутталиб приказал каждому сыну сделать гадательную стрелу и написать на ней свое имя. Потом все отправились к Хубалу, чтобы гадатель вытащил одну из стрел. Жребий пал на Абдаллаха, самого младшего и самого любимого сына (само имя которого – «Абд аллаха», т. е. «раб Бога», – вероятно, немало способствовало формированию легенды). Но и это не остановило благочестивого Абд аль-Мутталиба (негоже было бы деду пророка быть клятвopеступником!), и, вынув нож, он повел Абдаллаха к идолам Исафа и Найлы, на место, отведенное для жертвоприношений.

Тут уж мекканцы, до сих пор молча наблюдавшие за развитием событий, не выдержали и стали всячески отговаривать Абд аль-Мутталиба (больше они сделать ничего не могли – сын был его, и он волен был делать с ним все, что угодно, ни у кого не спрашивая и ни перед кем не отчитываясь; убей он хоть всех своих сыновей, он не понес бы никакой кары, кроме общественного осуждения). Особенно волновали курайшитов возможные вредные последствия поступка Абд аль-Мутталиба для процветания их благородного племени, если обычай приносить в жертву сыновей станет модным. Наиболее энергично возражал против разумности подобного жертвоприношения некто аль-Мугира, принадлежавший к тому же племени, что и Фатима,

мать Абдаллаха, и, очевидно, ее родственник. Он предложил, в частности, выяснить, не согласятся ли боги на замену Абдаллаха еще более ценной искупительной жертвой. Курайшиты в свою очередь посоветовали обратиться к знаменитой прорицательнице, жившей в Хиджазе, в окрестностях Ясриба, в нескольких сотнях километров к северу от Мекки.

Это был действительно выход из создавшегося трагичного положения, если бы боги предпочли получить нечто более, с их точки зрения, стоящее, чем Абдаллах, Абд аль-Мутталиб смог бы спасти любимого сына, не совершая при этом никакого святотатства. Поэтому он охотно отложил намеченное жертвоприношение и, оседлав верблюдов, немедленно отправился вместе с Абдаллахом к прорицательнице.

Прорицательница подробно расспросила их обо всем и пообещала помочь, как только ее посетит дух. Прорицательницы-профессионалки овладевали искусством вселять в себя духов по своему желанию и заставляли их отвечать на заданные вопросы. Иногда для этого использовались различные одурманивающие напитки, но чаще всего они доводили себя до состояния одержимости быстрыми ритмическими телодвижениями, своего рода исступленной пляской, нередко кончающейся судорогами, пеной у рта и нечленораздельным воем. В таком состоянии транса они начинали выкрикивать свои прорицания саджи, рифмованные стихи с резкими диссонансами и загадочным смыслом, производившие благодаря первоклассному исполнению сильное впечатление на окружающих. Известность и славу приобретали, несомненно, прорицательницы неглупые, обладающие богатым жизненным опытом, проницательные и наделенные интуицией.

Последние качества были особенно нужны прорицательницам, когда к ним обращались не за предсказаниями будущего, а по вопросам более житейским и конкретным. В этих случаях не требовалось публичных прорицаний в форме загадочного и действующего на воображение саджа – нужен был точный и недвусмысленный совет, как поступить правильно, в соответствии с волей богов или бога. Именно с таким вопросом Абд аль-Мутталиб обратился к прорицательнице.

Поэтому прорицательница в экстаз не впадала, а уже на следующий день позвала их к себе и сообщила, что слово снизошло на нее и ей нужно лишь уточнить – какая цена крови принята у курайшитов? Абд аль-Мутталиб ответил, что цена крови (штраф за неумышленное убийство, прекращающий кровную месть) у племени курайшитов – десять верблюдов. Эту цену, ответила ему прорицательница, и нужно предложить богам вместо Абдаллаха; если боги откажутся, следует увеличивать число верблюдов до тех пор, пока боги не примут заменительной жертвы.

Вернувшись в Мекку, Абд аль-Мутталиб так и поступил. Перед Хубалом поставили его сына Абдаллаха, а в ограду храма привели десять верблюдов и стали метать стрелы. Девять раз подряд жребий падал на Абдаллаха, девять раз пришлось пригонять новых верблюдов, и только когда число их достигло ста, божество признало их равноценной заменой человеческого жертвоприношения.

Чтобы не ошибиться, Абд аль-Мутталиб еще дважды бросил жребий, и оба раза стрела указала на верблюдов – сомнений больше не оставалось. Так был спасен любимый сын Абд аль-Мутталиба к огромной его радости и к немалой радости мекканцев, вполне заслуживших за проявленную ими гуманность участие в том пире, который должен был развернуться после принесения в жертву целого табуна этих легендарных верблюдов.

Легенда эта, которую записали и сохранили для нас первые биографы пророка Мухаммеда, свидетельствует, что принцип «око за око, кровь за кровь, смерть за смерть» не всегда выполнялся неукоснительно и буквально, что в случае непреднамеренного убийства кровную месть можно было предотвратить, уплатив очень большой штраф.

Повышение цены крови с десяти верблюдов до ста и отмена человеческих жертвоприношений ко времени рождения Мухаммеда уже так прочно вошли в быт, что, собственно, не нуж-

дались в божественном авторитете. Но когда-то столь крупная реформа «уголовного кодекса» должна была произойти, причем произойти в условиях, когда еще не было той власти, которая могла бы не только менять законы и, опираясь на силу принуждения, обеспечить их внедрение в практику, но и заставлять людей считать новые законы справедливыми, а старые – несправедливыми и ужасными. Преступить закон и изменить закон – почти одно и то же, и даже короли, менявшие законы, нередко и обоснованно казались народу преступниками. В условиях же племенной жизни апелляция к божественной воле была почти неизбежным и едва ли не самым разумным выходом, когда большинство людей начинало ощущать, что какой-либо древний закон устарел и возникла настоятельная потребность изменить его, но так, чтобы не подорвать при этом идею священности закона.

Примерно в 569 году Абд аль-Мутталиб женил своего спасенного сына на Амине, девушке из благородной, но небогатой курайшитской семьи. Свадьба состоялась в доме родителей Амины, куда Абдаллах потом и переселился. Легенды приписывают Абдаллаху небывалое совершенство, пленявшее слабый пол настолько, что в ночь его свадьбы двести девушек умерли от разрыва сердца. По одному из преданий, некая женщина, встретив его на улице, пообещала ему столько верблюдов, сколько было за него принесено в жертву, если он на ней женится, но Абдаллах деликатно отклонил ее предложение, сославшись на то, что жену ему выберет отец, а против отцовской воли он не пойдет. Эта женщина была поражена тем светом, который излучало лицо Абдаллаха, и который погас на следующий же день после его женитьбы на Амине. Правда, по другому преданию, дело обстояло иначе – Абдаллах встретил эту женщину на улице, когда он только что кончил какие-то работы в доме своего отца и был весь перепачкан глиной, и сам сделал ей предложение. Женщина не только отвергла его, но и осыпала его насмешками за неопрятный вид. Нимало не огорченный, Абдаллах вымылся, приделся и отправился с отцом сватать Амину.

Предания об обстоятельствах брака Абдаллаха и Амины интересны не только тем, что они содержат некоторые живые штрихи реальной жизни мекканцев. В этих легендах, цель которых, возможно, больше прославить родителей пророка, подчеркиваются исключительные личные достоинства Абдаллаха и Амины – их красота, благородство происхождения и добродетель (сказавшаяся даже на именах: Абдаллах, как уже говорилось, – «раб божий», а Амина означает «верная»). Но богатство в те времена было предметом гордости, а о нем-то как раз и не упоминается. По-видимому, ни Абдаллах, ни Амина не были, по понятиям мекканцев, людьми состоятельными.

От этого брака вскоре и появился на свет Мухаммед. Арабские историки считают, что он родился в «год Слона», что соответствует 570 году по нашему летосчислению. Этот год ознаменовался важными событиями, чуть не сокрушившими могущество курайшитов. Дело в том, что процветание Мекки зависело не только от храма Каабы и выгодного местоположения, но и от военной силы курайшитов и союзных с ними кочевых племен. Именно военная сила позволяла курайшитами не только принимать участие в выгодной торговле, но и не допускать или резко ограничивать торговлю своих конкурентов из Йемена. В результате для йеменских торговцев постепенно все больше закрывался прямой доступ к рынкам Средиземноморского побережья, Сирии и Персии, все дороги к которым либо проходили через саму Мекку, либо в непосредственной от нее близости и по территории союзных курайшитами кочевых племен. Волей-неволей им приходилось продавать свои товары курайшитами, в руки которых попадала основная прибыль от последующей распродажи. Поэтому йеменцы были кровно заинтересованы в захвате Мекки.

Примерно в 569–570 годах и состоялся поход йеменцев против Мекки под предводительством Абрахи, правителя Саны. Утверждают, что Абраха намеревался разрушить Каабу, увезти ее святыни и сделать свою столицу религиозным центром большей части Аравии. В походе принимали участие эфиопские войска, которые вели с собой боевого слона – животное,

дотоле невиданное в Аравии. Этот слон, поразивший воображение арабов и подробно описанный арабскими поэтами, и явился причиной того, что год похода йеменцев и эфиопов против Мекки получил название «год Слона».

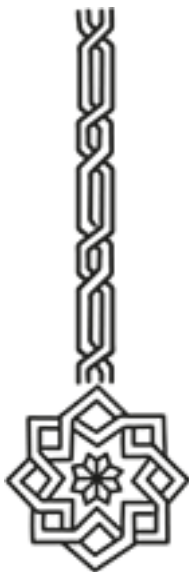
Силы Абрахи были настолько велики, что курайшиты не отважились защищать Мекку и при приближении его к городу, захватив женщин и детей, ушли в окрестные горы. Казалось, Мекку ничто не могло спасти. Но тут свершилось чудо – над войсками Абрахи появилась туча маленьких птичек, которые сбрасывали на них мелкие камни, оставлявшие на теле людей болезненные раны. Люди массами гибли мучительной смертью, мысль о захвате беззащитной Мекки была оставлена, и огромное войско поспешно повернуло обратно. Разразившиеся вскоре проливные дожди смыли остатки армии Абрахи прямо в Красное море. По единогласному мнению историков, это чудо было не что иное, как вспыхнувшая в войсках абиссинцев эпидемия оспы, первое проявление которой на Аравийском полуострове отмечено примерно в это время. Следует также учитывать, что как раз в 570 году в Йемене был высажен крупный персидский десант, быстро разгромивший войска Эфиопии и ее местных союзников и на несколько десятилетий утвердивший господство Персии в Южной Аравии. Как бы то ни было, Мекка спаслась от, казалось, неминуемой гибели, что было единодушно приписано курайшитами божественному вмешательству и послужило еще большему прославлению святыни города – храма Каабы.

Во время описываемых событий в Мекке шло ожесточенное соперничество между различными кланами и группами кланов курайшитов за участие в наиболее выгодных торговых операциях. И хотя в целом мекканцы больше всего были заинтересованы в независимости и от Персии, и от Византии с ее союзницей Эфиопией, отдельные кланы нередко готовы были пожертвовать ради своих собственных интересов нейтралитетом Мекки и получить помощь от одного из враждующих гигантов. Так, например, Абд аль-Мутталиб, дед пророка Мухаммеда, безуспешно пытался заручиться поддержкой Абрахи в своей борьбе против группы кланов, во главе которых стояли его двоюродные братья, сыновья Абд Шамса – яркий пример неизбежного разрушения идиллических племенных отношений при переходе от кочевой жизни к жизни в крупном торговом городе.

Глава 3

Детство пророка

Раннее сиротство # Охранительные амулеты арабов # Разлука с матерью и жизнь с кочевниками # Джинны и гули # Явление ангелов Мухаммеду # Возвращение в Мекку # Смерть Амины # Абд аль-Мутталиб становится воспитателем Мухаммеда # Кааба, идолы, религиозные церемонии # Публичные разоблачения в долине Мина # Смерть Абд аль-Мутталиба

Арабские историки считают, что будущий пророк родился 29 августа 570 года в доме своей матери, расположенном на окраине Мекки, метрах в четырехстах от храма Каабы; примерно через сто лет этот дом был перестроен и превращен в мечеть. На седьмой день после его рождения Абд аль-Мутталиб устроил, согласно обычаю, пир, на который созвал наиболее знатных курайшитов. Здесь было торжественно, для всеобщего сведения объявлено имя новорожденного – Мухаммед, а гости вежливо восхитились прекрасным младенцем, пожелали ему всяческого благополучия и выразили убеждение, что в будущем он станет утешением и опорой своих близких и гордостью всего племени курайшитов.

Его отец Абдаллах не присутствовал на этом пиру – он находился в это время в Сирии; он умер на обратном пути в Мекку, через два месяца после рождения Мухаммеда, так и не повидав сына. По другой версии, смерть Абдаллаха наступила незадолго до рождения Мухаммеда, и, стало быть, будущий пророк осиротел еще в утробе матери. Наследство, оставленное Абдаллахом, состояло из пяти верблюдов, нескольких овец и рабыни-абиссинки Баракат.

До весны мальчик находился на попечении матери, которая нежно заботилась о нем и оберегала от всяческих несчастий. Особенно боялись арабские женщины дурного глаза и злых духов, напускавших на детей порчу и тяжелые, нередко смертельные болезни, которые не удавалось вылечить никакими лекарствами. От злых духов и дурного глаза общепризнанным средством были талисманы и амулеты; в частности, новорожденным привешивали на шею амулет в виде особой плоской раковины с побережья Красного моря, который носили до возмужалости – лет в шестнадцать этот амулет снимали и на шею юноши вешали более соответствующий его возрасту амулет – меч. Маленькие дети, не обученные приличным манерам, часто разгуливали по улицам Мекки, посасывая эти плоские раковины-амулеты.

Хорошо защищал детей от волшебства, дурного глаза и джиннов (духов) зуб лисицы или кошки (особенно от джиннов женского пола), а также пятка зайца, потому что зайцы не из тех животных, на которых ездят джинны.

Два раза в год – весной и осенью – в Мекку приходили женщины окрестных кочевых племен брать детей на воспитание. Удушливый зной Мекки, пыль, грязь и тучи мух губительно действовали на маленьких детей, и у мекканцев, обладавших средним достатком, существовал обычай отдавать новорожденных в семьи кочевников.

Когда гонимые засухой и голодом женщины племени Бану Саад прибыли в Мекку за воспитанниками, никто из них не хотел брать себе маленького Мухаммеда, боясь, что за сироту будут платить и мало, и нерегулярно, а в случае, например, нового замужества его матери и вообще не заплатят. Наконец, одна из женщин по имени Халима, на долю которой не досталось никакого другого младенца, стыдясь своих более удачливых товарок и не желая возвращаться с пустыми руками, с разрешения сопровождавшего ее мужа все-таки рискнула взять сироту. Так Мухаммед в шестимесячном возрасте расстался со своей юной матерью и примерно на четыре года попал к кочевникам Бану Саад, которые пасли свои стада в горных долинах, километрах за двести к юго-востоку от Мекки и сравнительно недалеко от процветающего оазиса Таиф, где, кстати сказать, богатые курайшиты владели и земельными участками, и домами и куда они нередко отправляли свои семьи на самый жаркий и тяжелый период года.

Мухаммед жил с Халимой, своей кормилицей, ее мужем аль-Харисом, их двумя дочерьми и своим молочным братом обычной жизнью мальчика из кочевого племени. Дела у его приемных родителей, получавших какое-то вознаграждение за воспитание Мухаммеда, пошли лучше, и они не голодали.

Весной, после обильных зимних дождей, степь на несколько месяцев покрывалась цветами и травами, местами высотой в рост человека. В это время благоденствовали и люди и животные. Но уже в начале лета степь выгорала, и Бану Саад откочевывали к подножию окружающих долину гор, где пробивающиеся из-под земли источники позволяли выдерживать почти шестимесячный засушливый период. Здесь дольше сохранялись травы, а когда и их стравливал скот, животных подкармливали свежими побегами кустарников и деревьев, покрывавших склоны гор, или стручками акаций, которые сбивали с дерева длинными палками. В сентябре в южной части небосклона начинала всходить пылающая звезда Сухайль (Канопус), возвещающая скорое окончание жары и приближение сезона осенне-зимних дождей.

В степи жили дрофы, зайцы и газели, на которых кочевники охотились, а также шакалы и волки, от которых нужно было оберегать стада; львы в этом районе Аравии в ту эпоху уже не водились. В горах обитали каменные козлы и дикий осел – животное буйное и неукротимое, и сравнение человека с диким ослом имело у арабов такое же значение, как сравнение с ярым туром у славян.

На голых вершинах гор, в недоступных для человека местах, гнездились орлы и коршуны, которых кочевники умели ловить, приручать и использовать на охоте. В зимние месяцы вершины самых высоких гор одевались на несколько дней шапками снега, ослепительно сверкающего на фоне голубого неба.

Семья, в которую был отдан Мухаммед, круглый год жила в шатре, покрытом черным войлоком из шерсти коз. Его устанавливали с помощью десятка легких длинных деревянных кольев, заостренные концы которых втыкали в землю. Прочные веревки, которыми шатер привязывали к вбитым вокруг него кольшкам, придавали ему достаточную устойчивость даже при сильном ветре. Вокруг шатра выкапывали неглубокую канавку, чтобы в период дождей вода, скатывающаяся по его стенкам, не затекала внутрь. Шатер войлочным пологом делили на две половины – женскую, где находились и дети, и мужскую. Пол устилали войлочными кошмами, которые служили одновременно и постелями. В центре находилось углубление для очага, дым

от которого уходил через отверстие в потолке или просачивался наружу сквозь щели; топили сухим верблюжьим пометом и хворостом, который собирали на склонах гор.

В непогоду за стенами шатра укрывались не только люди, но и скот.

Когда степь покрывалась сочной зеленью, лагеря кочевников насчитывали десятки шатров и скот пасли совместно. В засушливый период приходилось рассеиваться по степи и небольшим горным долинам, и нередко месяцами отдельные семьи жили на расстоянии многих километров друг от друга.

Главной пищей арабов Бану Саад, с которыми жил Мухаммед, как и других кочевников, являлось верблюжье и козье молоко, свежее и кислое, и всевозможные изделия из него – от простокваши до сыра и масла. «Хлебом» для них служили финики, которые покупали и выменивали у жителей оазисов; мясо ели не чаще одного раза в неделю. Хлеб и крупы в связи с их дороговизной в бедных семьях почти не употребляли.

Детей заботливые матери кормили грудью два-три года, что и позволяло им успешно развиваться при таком не совсем благоприятном рационе, в условиях периодических недоеданий, а то и голода. Вырастали они крепкими, худощавыми, выносливыми, с хорошей осанкой, которая придавала кочевникам горделивый вид, резко отличавший их от жителей земледельческих оазисов и городов; этих склонных к полноте земледельцев, ремесленников и торговцев кочевники искренне презирали.

Кроме людей и животных, долину, в которой кочевало племя Бану Саад, населяли многочисленные джинны и гули – духи мужского и женского пола. Народная фантазия рисовала их в виде человекоподобных существ, нередко огромных, хитрых, злобных и отвратительных тварей, способных причинить всевозможное зло. Когда Сулайман с помощью своего волшебного перстня изловил и заставил принять видимый облик одного из гулей, перед ним предстало существо женского пола высотой в двадцать метров, к бесчисленным соскам которого присосались человекоподобные детеныши. Эта гульша занималась тем, что по ночам мучила детей, заставляя их кричать от боли и страха. Вообще вся эта нечисть смелела ночью и в темноте, а днем до поры до времени пряталась и становилась почти неопасной. Рассказы о джиннах и гулях, в существовании которых были убеждены все взрослые, несомненно, должны были производить сильное впечатление на наделенного воображением ребенка; Мухаммед до конца своих дней боялся темноты и спешил зажечь свет, заходя в темную комнату.

О жизни Мухаммеда в семье Халимы легенды почти ничего не сообщают. Судя по тому, что Мухаммед всегда тепло вспоминал о Халиме, ему было хорошо в этой семье и его никто не обижал.

Лишь одна легенда рассказывает о событии, которое приключилось примерно на четвертом году пребывания Мухаммеда в племени Бану Саад, притом событии, послужившем причиной его возвращения в Мекку.

...Это произошло в полдень, при ярком солнечном свете. Халима с мужем была внутри шатра, занимаясь домашними делами, а Мухаммед и его молочный брат не遠далеке играли и присматривали за ягнятами. Внезапно к мальчикам подошли двое незнакомых мужчин в белом одеянии (это были ангелы, но дети, естественно, об этом не догадывались). Один из незнакомцев держал в руках золотой таз, наполненный ослепительно белым снегом.

Они положили Мухаммеда на спину и, раскрыв грудную клетку, вынули его сердце. Из сердца ангелы извлекли каплю черного цвета и отбросили ее прочь; затем они вычистили сердце и внутренности ребенка снегом и, вложив сердце на место, удалились. Молочный брат Мухаммеда с криком бросился в шатер и рассказал обо всем родителям. Испуганная Халима и ее муж выбежали и увидели Мухаммеда, который стоял целый и невредимый, но с мертвенно-бледным лицом. На расспросы Халимы он рассказал то же самое, что сообщил им его молочный брат. Это событие так напугало Халиму, что она уговорила мужа немедленно вернуть ребенка матери. Халима, очевидно, боялась, как бы с Мухаммедом не случился удар.

Это единственная легенда, о которой Мухаммед впоследствии якобы сам неоднократно рассказывал, считая, что ангелы по указанию самого Бога полностью очистили его от скверны греха. Мертвенно-бледное лицо ребенка, испуг Халимы и ее решение немедленно отвезти Мухаммеда к его родным – все это заставляет предполагать, что в основе легенды лежит действительное происшествие – рассказ мальчика о пережитом им видении.

Как бы то ни было, Халима, сопровождаемая мужем, немедленно отвезла Мухаммеда в Мекку, где он сначала потерялся в толпе в верхней части города, но затем его нашли и благополучно отвели к деду, Абд аль-Мутталибу. Халима, вручая ребенка, ничего не рассказала Абд аль-Мутталибу, по-видимому, мальчик тоже молчал, странное происшествие с ангелами было забыто на много лет.

Так окончилось пребывание Мухаммеда среди племени Бану Саад, позволившее ему впоследствии с гордостью говорить: «Я больше араб, чем кто-либо из вас: я курайшит и меня вскормило племя Бану Саад».

Мекка, которую фактически впервые увидел Мухаммед, действительно представляла в то время город, и в ней немудрено было потеряться маленькому ребенку. Она вытянулась почти на три километра, заполнила всю узкую мекканскую долину и начинала взбираться на окружающие холмы. В нижней, северной части города, где ширина долины достигала примерно километра, располагалась Кааба и жила большая часть мекканцев. В этом месте долину перерезала невысокая каменная стена, скорее ограда, способная помешать кочевникам совершить внезапный набег на город; через широкий проем в стене выходила караванная дорога, которая сразу же разветвлялась. Почти прямо на север лежал Ясриб; на запад дорога вела в Джидду, через которую в Мекку доставляли товары по морю из Эфиопии; от этой дороги вдоль побережья Красного моря начинался главный караванный, протянувшийся на полторы тысячи километров, путь в Палестину, Дамаск и к портам Средиземного моря. На северо-восток сворачивали караваны, отправляющиеся к берегам Евфрата.

Из верхней части города, где мекканская долина сужалась, выходила основная дорога на юг – в оазис Тайф, в Йемен и Хадрамаут. По этой дороге и привезли Мухаммеда в Мекку Халима и ее муж.

Первоначально главные кланы курайшитов занимали в городе отдельные кварталы, тесно окружавшие Каабу. Но к концу VI века наименее состоятельные члены размножившихся кланов начали беспорядочно заселять окраину. На окраинах селился и пришлый люд, добившийся покровительства какого-либо клана – без такого покровительства жизнь в Мекке была совершенно невозможна, так как люди, не защищенные договором о союзе или покровительстве, были вне закона.

Сами курайшиты занимались почти исключительно торговлей, причем наибольшие доходы давала та, что велась с Йеменом, Сирией, Палестиной и Ираком, и ее-то и стремились захватить в свои руки самые богатые семьи. Интересы торговли и требования конкуренции привели к созданию сложной системы союзов, при основании которых степень родства играла все меньшую и меньшую роль.

Неудачники, устранные от участия в наиболее крупных и выгодных торговых предприятиях, нанимались на службу к своим более богатым родственникам или перебивались мелкой торговлей с окружающими Мекку племенами и паломниками, перепродажей и мелким ремеслом, удовлетворяющим повседневные нужды самого города, и лишь изредка снаряжали небольшие караваны. Крупных ремесленных производств, изделия которых вывозились бы в другие страны, в Мекке, по-видимому, не было совсем. В преданиях упоминается лишь площадь портных, расположенная в нижней части города. Ремеслами занимались преимущественно не коренные жители Мекки, а инородцы, селившиеся в ее пригородах. Среди них встречались представители самых разных национальностей и вероисповеданий – арабы-язычники и арабы-христиане, греки, персы-зороастрийцы, евреи. Кроме того, у курайшитов

было немало рабов-эфиопов, живших как в самой Мекке, так и в небольшой деревушке, расположенной на расстоянии двухдневного перехода к югу от города. Иностранцы были мелким людом, клиентами или рабами богатых курайшитских семей, и в общественной жизни города не играли заметной роли.

Дома в городе были преимущественно одноэтажные, глинобитные, реже из скрепленных известью камней, добываемых тут же на окраинах Мекки, с плоскими крышами и маленькими, забранными деревянными решетками окошками, которые выходили не на улицу, а во двор. Двух- и трехэтажные дома с окнами на улицу возвышались лишь вокруг центральной площади, через которую мимо Каабы проходила караванная дорога, пересекавшая весь город с севера на юг, главная улица Мекки; нижние этажи занимали обычно мастерские, лавки и торговые склады.

Комнаты в домах были очень маленькие и чаще всего не сообщающиеся друг с другом, так что дверь из каждой комнаты вела прямо во двор, обнесенный глинобитной стеной. Здесь проводили большую часть времени обитатели дома, здесь же были расположены хозяйственные постройки – тоже глинобитные. Лишь изредка при доме имелся крохотный сад из нескольких плодовых деревьев и крохотный огород, где выращивались овощи, которые приходилось регулярно поливать, доставая воду из глубоких, небогатых водой колодцев, так как большую часть года не выпадало ни капли дождя, а солнце палило так, что днем в тени температура достигала иногда 45–50 градусов. От этой жары люди спешили укрыться в домах, в которых было тем прохладнее, чем меньше в них проникало света, и в полуденные часы жизнь в городе замирала.

Улицы были немощеными, и большую часть года город утопал в пыли. В зимние месяцы на город часто обрушивались ливни, и тогда мутные потоки воды мчались по улицам Мекки, оставляя после себя на много дней непролазную грязь. По-видимому, жители города истребили большую часть растительности, которая покрывала некогда окрестные холмы и горы, поэтому при сильных ливнях вода смывала верхние слои почвы, и потоки грязи вливались в город, вызывая иногда серьезные наводнения. От подобных наводнений периодически страдала и Кааба.

Мухаммед после возвращения в Мекку два-три года жил вместе со своей матерью Аминой и рабыней Баракат. Когда ему было примерно шесть лет, мать поехала вместе с ним в оазис Ясриб в гости к своим родственникам. На обратном пути в Мекку она умерла и была похоронена близ дороги, неподалеку от поселка Абва.

Мухаммеда, оставшегося круглым сиротой, передали Абд аль-Мутталибу, который в качестве главы клана Хашим взял на себя заботу о его дальнейшем воспитании. Это воспитание сводилось к тому, что по распоряжению Абд аль-Мутталиба кто-то из его большой семьи должен был следить, чтобы ребенок не оставался голодным и беспризорным. В остальном Мухаммед был предоставлен самому себе, его никто не обижал, но никто им особенно и не интересовался.

Только один человек относился к Мухаммеду с теплотой и вниманием – сам Абд аль-Мутталиб, который к этому времени был уже глубоким стариком. Большую часть дня он проводил близ храма, хранителем ключей от которого он являлся. Там же, под открытым небом, прямо у ограды Каабы, стояло его ложе, на котором он днем сидел, а ночью спал. Мухаммед, как любимый внук, пользовался привилегией сидеть на этой кровати вместе с дедом – честь, которой были лишены остальные внуки и правнуки Абд аль-Мутталиба.

Дружба и продолжительное общение Мухаммеда с Абд аль-Мутталибом неизбежно делали ребенка свидетелем всех религиозных церемоний, совершавшихся около храма Кааба, смысл которых ему нетрудно было узнать от своего деда.

В то время Кааба представляла собой сложенное из грубо отесанных камней здание кубической формы высотой двенадцать – пятнадцать метров. Внутри храма, на его стенах и побли-

зости от него стояли различной величины идола, число которых достигало трехсот шестидесяти, то есть примерно равнялось числу дней лунного года. Идолы, установленные в честь различных богов, почитавшихся арабскими племенами, представляли собой главным образом стилизованные фигуры людей, но встречались и изображения животных, и просто продолговатой формы камни. Один из таких камней, знаменитый Черный камень, был вделан в северо-восточную стену храма на высоте полутора метров и пользовался всеобщим почитанием.

От идолов Каабы сохранились только их названия, и большей частью даже неизвестно, в честь каких богов их установили, какие племена их почитали и какими свойствами их наделяли.

В центре Каабы стоял (или сидел) Хубал, которого некоторые считают главным идиолом храма, то ли Ибрахимом, то ли самим Аллахом; он был привезен из Сирии якобы потому, что обладал способностью вызывать дождь. Как уже упоминалось, около Хубала металы гадательные стрелы. Идолы аль-Лат, аль-Манат и аль-Узза олицетворяли божества женского пола, и их нередко называли «дочерьми Бога». На них были навешаны серьги, кольца и другие украшения, и возможно, что они были одеты в дорогие платья. Поэтому нарядных женщин арабские поэты часто сравнивали в своих стихотворениях с идолами. Кроме того, богиню аль-Уззу почитали в образе священной акации, а богиню аль-Манат – в виде большого камня. Вадд, Сава, Ягус, Яук и Наср также были в числе весьма уважаемых идолов, и историки-мусульмане утверждали, что этим идолам поклонялись еще до Всемирного потопа. Вадд, олицетворявший небо, был изображен в виде мужчины, Сава – в виде женщины, Ягус – льва, Яук – лошади, Наср – коршуна. Почиталось и божество в виде большого деревянного голубя.

Имелась в Каабе якобы и статуя женщины с ребенком на руках, то ли Афродиты с младенцем Адонисом, то ли девы Марии с младенцем Христом. К дверям Каабы были прибиты золотые газели (кстати, козленок символизировал многих богов древности, в том числе и Адониса) и рога барана. В целом ученые предполагают, что в Каабе в описываемый период преобладало звездопочитание и большинство идолов было первоначально связано с культурами луны, планет и неподвижных звезд.

Идолам молились стоя, сопровождая молитву поясными и земными поклонами; при земных поклонах, согнувшись, касались земли кончиками пальцев – это называлось пасть ниц, упасть на свое лицо.

Перед идолами сжигали благовония, им приносили подарки, украшали их. Лица и руки идолов нередко обмывали благовонной водой, иногда медом (что привлекало мух), кровью жертвенных животных или красным соком растения сакура, символизировавшим кровь. Именами идолов клялись, что придавало клятвам большую надежность, так как нарушивший их рисковал навлечь на себя гнев оскорбленного божества. Клятвы часто скрепляли кровью жертвенных животных и человеческой – на руках наносили неглубокие раны, кровь из которых капала к подножию идола или на жертвенные камни, обменивались кровью, нанося ее на ранки друг друга, погружали руки в сосуды с кровью жертвенных животных.

В ограде храма, над специальными жертвенными камнями, закалывали верблюдов, быков, овец и коз, при этом громко произносили имя того бога, которому предназначалась жертва. На жертвенные камни лилась кровь, в которой, по представлениям арабов, заключалась душа животных (поэтому кровь нельзя было употреблять в пищу), а мясо жертвенных животных делили и съедали.

Очевидно, были и такие арабы, которые почитали главным образом сам храм Каабу, видя в нем «дом Бога», и молились в нем этому верховному Богу Аллаху. Как передает иранский историк Шахрастани, живший в XII веке, некоторые из них, обращаясь к этому Богу с молитвой, восклицали: «Боже! Я готов на служение тебе, готов на служение тебе, готов на служение тебе! Нет товарища у тебя, кроме того товарища, над которым ты властвуешь и для которого ты царица!» Каабе приносили дары. Перед входом в храм снимали обувь. Стены мазали кровью

жертвенных животных, к ним прикасались при клятвах, вешали на них красивые материи – храм старались так же одеть, как и статуи дочерей Бога. Вокруг Каабы совершали семикратные обхождения, прикасаясь каждый раз к Черному камню, вделанному в ее стену.

Но особенно большое значение придавалось совместным религиозным церемониям, приуроченным к трем священным месяцам, когда в Мекку стекались представители всех арабских племен, почитавших Каабу и другие святыни города.

Лунный год короче солнечного на одиннадцать дней, поэтому священные месяцы приходились на разные сезоны года, в том числе и на такие, когда совершение хаджа (хаджжа) – путешествия к святыням – было очень трудновыполнимо из-за страшного зноя и отсутствия воды и корма для скота. Говорят, что именно поэтому лет за пять – десять до рождения Мухаммеда курайшиты, заинтересованные в привлечении паломников-хаджиев (хадж арабы совершали и к другим святыням, конкурировавшим с Меккой), стали исправлять календарь, вставляя раз в десять лет три дополнительных месяца, что приводило в соответствие лунный и солнечный годы. Это нововведение не все одобряли, хотя большинство арабов охотно подчинилось переходу к новому календарю.

С началом священных месяцев, которые стали приурочиваться к зимнему периоду, все враждебные действия объявлялись незаконными и с разных концов Аравийского полуострова начинали двигаться к Мекке паломники (хаджи). Они гнали жертвенных животных, на шею которым вешали отличительные знаки, служившие одновременно и украшениями, – кусочки окрашенной коры, кожаные ожерелья и т. п. Вступив на землю священного мекканского округа, многие паломники приносили свою первую жертву богам – полностью сбрасывали волосы на голове; арабы носили длинные волосы и считали их украшением мужчины, поэтому, какой бы религиозный смысл ни придавался ими обрядовому бритью головы, это прежде всего была именно жертва, добровольный отказ человека от некоторой ценности, действие, сознательно идущее вразрез с его эгоистическими желаниями. Хаджи не довольствовались этим и на время совершения паломничества накладывали на себя ряд ограничений – пост той или иной продолжительности, отказ от наиболее вкусной пищи (например, от масла и творога), а также чаще и продолжительнее молились Богу (или богам). Все это сочеталось со стремлением к добродетельной жизни в период хаджа, включая подавление вспышек гнева и злобы. Впрочем, таких добровольных обязательств могло и не быть совсем, что не умаляло ценности хаджа, как перенесения ряда трудностей в угоду богам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.